

для меня моими любимыми в разных спектаклях и кинофильмах. И в этом смысле — «любовь на века».

Что касается моих знаменитых «законных» мужей. Олег Басилашвили. Это был самый интеллигентный, самый красивый и самый талантливый мальчик на курсе. Мы прожили с ним семь лет и расстались без скандалов и упреков.

Эдвард Станиславович Радзинский действительно «увез» меня из Ленинграда, но не этот «увоз» был причиной моего бегства. Радзинский понимал, кто такой Товстоногов и что для меня БДТ. Он два года жил в Ленинграде перед тем, как меня «увезти». Мы остались с ним до сих пор людьми близкими и родными. Мужем и женой мы прожили тоже семь лет.

За Бориса Петровича Химичева я вышла замуж

через несколько лет после того, как расстались с Радзинским. Он отличный актер и был нежным и внимательным мужем, очень «хозяйственным» при этом. Наш «актерский» брак длился по актерским меркам долго. Тоже семь лет. Я уходила всегда через семь лет. Ни об одном из этих браков я не сожалею и не считаю их «неудачными».

Считаю, что мне очень повезло в жизни — моими мужьями были талантливые, красивые и лучшие мужчины на свете.

Детей я не родила от них, считала, что при моей одержимости театром дети будут несчастны, обделены моим вниманием и заботой. Наверное, так бы и было, но теперь я грущу и сожалею и даже иногда мне кажется, что, не будь в моей судьбе театра, я, может быть, была бы более житейски счастлива.

Но это иногда.

Редко.

Когда неудачно сыграю.

В ЖИЗНИ ИГРАЮТ ТОЛЬКО БЕЗДАРНЫЕ АКТЕРЫ

— Татьяна Васильевна, что вы видели из последних фильмов?

— То, что я видела, сплелось в клубок «одинаковости». За исключением Германа, Михалкова, я никак еще не могу определить индивидуальность молодых режиссеров, которые имеют в своем отряде людей одаренных. Но для того чтобы понять, что это талант, имеющий свой путь, свою индивидуальность, необходимо посмотреть хотя бы два или три фильма этого режиссера, но этого не получается. Это не прорывается на ТВ.

— А вы следите за молодыми театральными актерами? Они все равно в кино снимаются. Миронов, Машков...

— И Миронов, и Машков — ученики очень большого актера Олега Павловича Табакова и очень талантливы. Они сумели взять от учителя самое лучшее и имеют индивидуальность. Но по индивидуальности из этих двух артистов интереснее, мне кажется, все-таки Машков, у которого существует очень сильное мужское начало. Оно проявляется естественно, органично. Так Павлу Лундскому не надо было все время кричать, что он мужчина, он просто входил, и все женщины начинали волноваться, а мужчины ревновать. Этим качеством обладает и Машков.

— Кстати, о мужчинах. Поговоришь с женщинами, и очень многие жалуются, что просто вырастают мужчины. Вы согласны с этим? Не только на экране, среди актеров, но и вообще?

— Начнем с того, что женщины всегда правы. То, что называется «сексуальной революцией», которая столь неуместна в России и столь смешна, уже произошло. Всегда существовал определенный процент людей с определенной ориентацией, это, как говорится, как определил Господь Бог. Не мое дело разбираться, что делают люди ночью в постели. Это их личное дело. Что касается очень активной, существующей фактически во всех СМИ пропаганды разврата — это преступление по отношению к стране.

Передача под названием «Про это» — ее создателям нужно отвечать не только перед Богом, но и перед людьми. Более безвкусной, безобразной, отвращающей от какого-либо общения передачи я не видела. С этой передачей может сравниться только передача Фоменко, где он раздевает мальчиков и девочек под крики, под пошлые реплики.

— Я тут недавно разговаривал с одной молодой актрисой, и она сказала: «Актер — это не мужчина». Согласны ли вы с этим?

— Она дама из другого поколения. Меня окружали актеры из другого поколения, которые были красавцы и объяснялись мне в любви. Я про них знаю. Она знает про своих, про современных мужчин.

— То есть актеры вашего поколения были настоящими мужчинами?

— Они были настоящие актеры и настоящие мужчины. Когда Владислав Стржельчик выходил на сцену либо просто шел по улице, на него все оборачивались и долго глядели ему вслед, от него было просто невозможно оторваться: он был соответственно одет, он был всегда хорошо причесан, он был всегда выбрит, от него пахло хорошим одеколоном. Когда проходил по Невскому, Невский останавливался и смотрел

Роман ВИКТЮК, режиссер:

— Моя встреча с моей Невесной Невестой Танюней состоялась почти десять лет тому назад. Она была одинока в своих стремлениях и своим благоговением перед жизнью. Ее не понимали и не принимали. И мы наш сон превратили в реальность, и одиночество отступило. Она сыграла роль жены Достоевского в пьесе Эдварда Радзинского. Этот сон длится уже более десяти лет.

Фото из архива журнала «Советский экран»

рел ему вслед. Так же, как Фимочке Копеляну, который был потрясающего обаяния и с потрясающим мужским началом. Ему так же глядели вслед.

— Вы очень красивая, очень сильная женщина. Вы не подавляете в своих взаимоотношениях мужчин?

— Что делать с мужчиной, которого подавляет мой вид? В какой мере он мне может быть интересен? Среди моих мужчины были мужчины, а не, извините, нечто среднее, которых что-то подавляет.

— Вы с удовольствием вспоминаете ваших мужчин, у вас нет никаких претензий к ним?

— Боже упаси.

— Плохих ощущений?

— Нет. У меня были таланты, красавцы и умницы.

Виталий ВУЛЬФ, театральный критик:

— Я считаю Татьяну Васильевну одной из самых больших наших актрис и очень высоко ценю ее талант. Очень. Я когда-то был с ней очень дружен и общался. Она играла в театре Маяковского «Кошку на раскаленной крыше» в моем переводе. В то время, это было на рубеже семидесятых и восьмидесятых, она была совершенно отключена от конкретного быта, жила только ролью, и все было сосредоточено на ней.

Я ее еще хорошо помню, когда она была у Товстоногова. Ее роль в «Варваре» — это было театральное событие, она играла поразительно, пела замечательно романс «Жалобно стонет ветер осенний». Вообще играла завораживающе. Однако, оказавшись хозяйкой своей творческой судьбы, она что-то и потеряла, потому что живет среди враждебности, равнодушия, ей приписывают всякие политические позиции. На самом деле она живет за оклицей театральной критики Москвы, что в общем-то тяжело. Она человек, для которого главное сцена, театр, трудится, ставит, руководит, и я уверен, что понимает все свои просчеты и ошибки.

— Творчество — это большие эмоциональные нагрузки. Не с этим ли связана такая неожиданная гибель Елены Майоровой?

— Если Господь Бог определил тебе путь под названием «актерская профессия», то фактически это тяжелый крест. Реакция актера на происходящие события чрезвычайно сильна. В этом суть профессии. И, как ни страшно, мера таланта. Лена Майорова была одаренным человеком и очень своеобразным по оценке всего окружающего. Ей казалось, что «все должно быть справедливо». Очевидно, ее неприятие несправедливости было столь сильно, что она пошла на такой страшный шаг, как самоубийство.

— Не кажется ли вам, что жизнь актера театрального и особенно актрисы (женщина — более эмоциональное существо) изначально трагична? То есть человек фактически оставляет все на сцене.

— Нет, существует прекрасный закон театра. Чем сильнее существуешь на сцене, тем больше в ответ получаешь от зрителя, который тебе не только компенсирует то, что затратил, но даст еще заряд на будущее. Плохой актер — вот несостоявшаяся судьба. Это трагично для человека. Но больше это трагично для театра, в котором он работает. Потому что, выбранная руководителем, я столкнулась с такими вещами, до которых ранее мне не было дела. Но, если ты обязан заботиться о таком количестве людей, приходится пересматривать и свои привычки, и многое в своем мировоззрении. С моей точки зрения, не одаренные актеры не имеют права быть в театре. Они должны найти себе точку приложения сил, которая будет более удобна для них и для общества. Но не так легко поменять профессию. Если уже у них существуют дипломы, допустим, под названием «артист драматического театра». Значит, они в основном остаются неким грузом. И этот груз из чрезвычайно раздражающего и мешающего становится предметом невольного сострадания, жалости. Хотя для дела это, конечно, обуза.

— Художественный руководитель театра должен быть диктатором?

— Надо пытаться им быть.

— А по характеру вы диктатор?

— Характер у меня есть. И я благодарю Бога, что он у меня есть. Потому что человек без характера ни на что не способен.

— Была цензура, ограничивали свободу выражения художника, а кино получалось хорошее. Сейчас — делай что хочешь, а ничего нет?

— В искусстве побеждает тот, кто противостоит. Сегодня хотят, извините, вылизывать все, что можно и нельзя, у тех господ, которые определяют жизнь, — при этом надеются на

то, что их книги станут читать, фильмы смотреть, спектакли будут серьезно воспринимать? Что юбилеи, которые для них устраивают, и награды, которые они получают, люди принимают без смеха?

— Вы верите в судьбу, вы фаталистка?

— Да. Все актеры. Потому что мы очень зависим от случайных вещей, боимся этих случайностей и на всякий случай, если существуют какие-то приметы, выполняем все свято.

— А какие у вас приметы?

— Нельзя, чтобы кто-то переходил тебе дорогу, когда идешь на сцену. Когда вошел на сцену, обязательно нужно легонько три раза плюнуть на нее. И уж обязательно помолиться.

— Вы верующая?

— Все, что касается Господа Бога и истинной веры. Я православная. И все предки были в веках православные. Во время войны мы с сестрой были совсем малень-

А проклята Татьяна Васильевна

06.98.

кие, отец был на фронте, и мать водила нас в церковь молиться за него, чтобы вернулся. И приучила к длительным стояниям в церкви. А потом нас, как и всех эвакуированных, размещали по домам, по квартирам и поселили у вдовы священника. Священника репрессировали в 1937 году. И жила испуганная старушка — его жена, которая от всех страшных потерь, своих переживаний ходила по дому с трясущимися руками. У нее были книги с адаптированным изложением Нового Завета. Я читала их. И меня окружали мои верующие бабушки. Потому это органично, как дыхание. Во времена замечательного, в кавычках, Никиты Сергеевича Хрущева стали разрушать церкви. Я училась в Школе-студии МХАТ, приехала на каникулы и пошла с отцом в церковь на Рождество, по-старому. Перед оградой стояли здоровые дяди и никого не пускали. Я считала, что, имея студенческий билет Школы-студии МХАТ, являюсь неким особым существом, которого обязаны пропустить в церковь. Но они сначала отпихнули меня, а потом так толкнули отца, что он упал. Отец был совсем безответный, и мы поплелись с ним домой. Подобное отношение рождает противостояние. И для меня еще более важным и необходимым стало то, что называется православием.

— **Татьяна Васильевна, что для вас важнее — личная жизнь или творческая? Семья и работа — это два разных мира, каждый из которых существует сам по себе?**

— Очень хороший педагог, который считался лучшим педагогом в Школе-студии МХАТ, Борис Ильич Вершилов рассказывал нам историю гениального актера Остужева. Они действительно были гениальны в те времена, в отличие от нас сегодняшних, которые далеко не гениальны. Они были подлинно одержимы и служили театру, как служит истинно верующий священник Господу Богу. Так вот Остужев. На бульваре, который рядом с нашим театром, стоит скамейка, уже, естественно, новая. Но на этом месте стояла скамейка Остужева. Он выходил гулять недалеко от дома, был уже стар и немощен. Доходил до скамейки и шел обратно. Он отказался от большой любви в своей жизни, потому что она мешала ему отдать все силы театру. В сегодняшний циничный век это кажется смешным безумием. Но чтобы достигнуть тех высот, кои были достигнуты этими великими личностями, в первую очередь необходим был такой аскетизм. В такой же мере аскетизма пребывала Мария Николаевна Ермолова. Чрезвычайно несчастный в личной жизни человек. Если возьмете ту или иную монографию, касающуюся жизни Стрепетовой, Савиной, Лешковской, которая считалась самой сексуальной актрисой того времени, большой чаровницей Малого театра, то вы заметите очень страшную вещь: они все проходили под знаком одиночества. Это закономерность. Профессия, которая отнимает время, силы, она неудобна для семьи.

— **С каким кинорежиссером вам сейчас было бы интересно поработать?**

— Было бы интересно поработать с Алексеем Германом. Я не уверена, что ему интересно будет работать со мной. С большим удовольствием снималась бы у Михалкова, но тоже не уверена, что ему

Эдвард РАДЗИНСКИЙ, драматург:

— **Доронина замечательная актриса, фанатично преданная театру, человек глубоко порядочный и в своих убеждениях, и в своих заблуждениях. Она всегда думает о высоком и руководствуется исключительно вещами духовными.**

чем кто бы то ни было. Потому что по сравнению с тем, что я умела, допустим, тридцать лет назад, я сейчас умею работать на более высоком уровне. Но это никому не нужно.

так интересно было бы со мной работать. Особенно сейчас, когда все, что касается кинематографического пика, открытия индивидуальностей, миновало. Разговор мог бы идти только об очень серьезном драматургическом материале, который я могу сыграть с учетом своего опыта и того, что дал мне Господь Бог, лучше,

на который она меня приглашала, вышел, играла другая актриса. Я отказалась от съемок...

— **«Короткие встречи»? Она там сама сыграла.**

— Да. Так вот, когда я посмотрела фильм, я совсем не огорчилась, что не снималась в нем. Потому что, уважая ее за дар и одержимость, я не являюсь в данном случае той актрисой, которой интересно сниматься в построенной конструкции. Я думаю, у нее может быть любой актер. А конструкция, построенная железно, все равно останется. Так вот, все, что касается самобытности, я чрезвычайно уважаю, но в основном это, как говорится, не мой «роман».

— **Когда разговариваешь с современными людьми, злословие постоянное. Не могу я из вас ничего плохого вытянуть ни о ком. У вас такой принцип: плохо ни о ком не говорить?**

— Если говорить честно, это эгоистический принцип. Это совсем не значит, что мне было не больно, когда меня унижали, несправедливо отшвыривали, не пускали, не утверждали. Когда меня не утверждали на «Старшую сестру», я дала себе слово не переступать порога никакой киностудии. Но если об этом помнить, думать, то боль с тобой останется. Это недостаточно перспективно для души. Она начнет сохнуть и превратится в нечто маленькое, озлобленное и на душу непохожее. Поэтому моя позиция эгоистическая. Мне надо душу сохранить.

— **А ведь вас могли и сломать?**

— Я думаю, что не только могли, но очень многих сломали. И сегодня наверняка многих ломают. Почему такое общее лицо у массы актрис, почему их не запоминаешь? Они лишены индивидуальных внутренних примет. У них существует общий знак эффектной, модной внешности, но нет главного. Потому что главное, если оно у них и было от рождения, растерялось во всяческих боях, включая сексуальные войны. И дальше вся их короткая или некороткая биография видна в их работах.

— **Но кого вы все же можете назвать?**

— Рената Литвинова работает именно тем, что она индивидуальна, она умна — и тем она интересна. Пленительная молодая женщина интересна как индивидуальность. Во всех фильмах существует — Рената Литвинова. Говорить о каких-то других вещах не приходится. И в данном случае хорошие слова во славу личности, интересной личности, которая умна, при этом может со вкусом одеваться, причешиваться, у нее есть чувство меры, вкуса. Она сегодня на этом уровне единственная. Но это менее всего актриса. Это более всего сценарист, который снимается в кино. Идеальная исполнительница для Маты Хари в очень хорошем, специально для нее написанном сценарии.

— **Грета Гарбо каждое утро покупала газеты, просматривала их и, не находя упоминания о себе, резала ножницами и выбрасывала в корзину. Как вы относитесь к тому, что о вас пишут?**

— Грета Гарбо могла делать все. Она была потрясающей актрисой с потрясающей магией. Необыкновенное обаяние настоящей актрисы и удивительной красавицы. Она имела право на то, чтобы пресса ее не оставляла. И все время напоминала всем, что существует она — гениальная представительница женского пола. Когда-то в самом начале у меня был очень близкий человек, который имел отношение к театроведению, к журналистике. И как человек, чрезвычайно нежно ко мне относящийся, он сказал следующее: никогда не определяй свою жизнь по тому, что о тебе напишут. Он был старше меня и знал, о чем говорил. Он привел целый ряд примеров, когда один и тот же автор писал по поводу одного и того же актера, участвующего в одном и том же спектакле, совершенно взаимоисключающие оценки. Кто пишет и почему? У каждого своя причина, свой интерес. Предусмотреть эти причины и интерес ты не сможешь. Но если будешь поддаваться и верить либо ругани, либо похвалам безусловно, то потеряешь себя. Нужно учиться анализировать, понимать все самой не только по профессии, но и по жизненным ситуациям тоже. Когда мне говорят, что где-то что-то обо мне написано, я не хватаю газету и не читаю.

Не потому, что я такая гордая, или самолюбивая, или пренебрегающая чужим мнением. У меня есть несколько имен — люди, которые пишут о театре, кино, искусстве, — к ним я прислушиваюсь, их читаю и уважаю.

Все, что касается моей работы на сцене, то в силу большого опыта я свои ошибки фиксирую более точно сама. И требования к себе предъявляю более яростные, чем самый злобный критик.

фото Германа РОВИНСКОГО

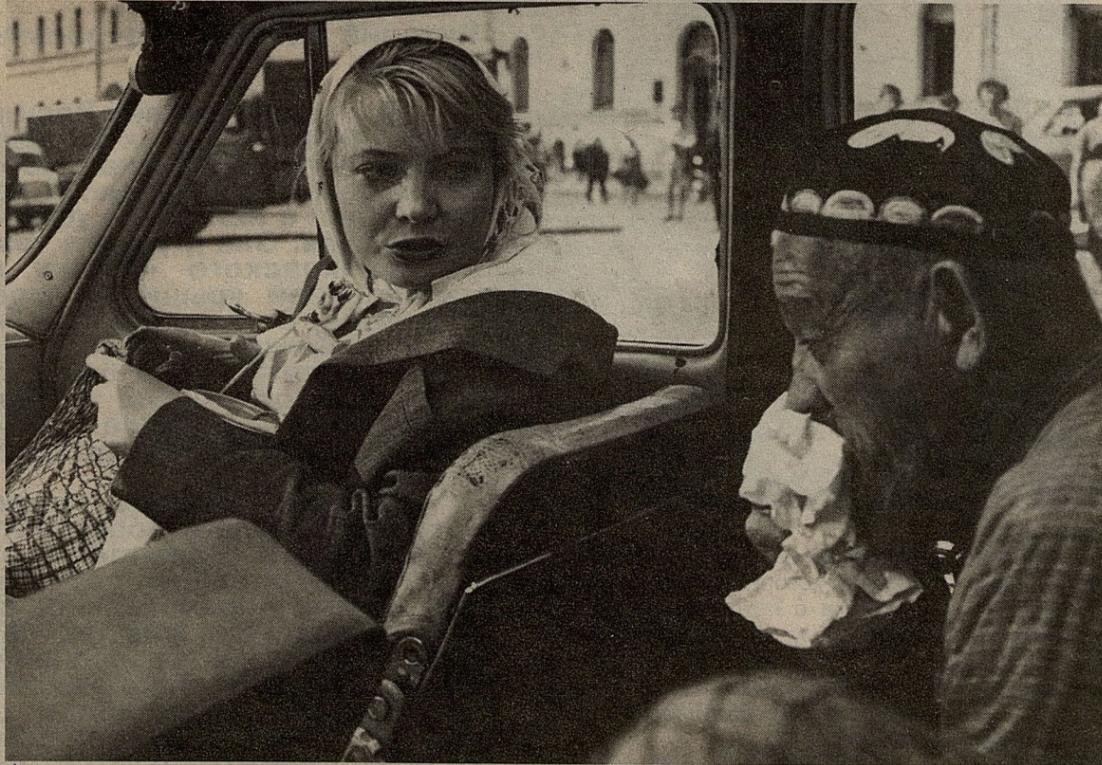

Фото из архива редакции

— **А как вы относитесь, скажем, к Кире Муратовой?**

— Очень давно, тридцать лет назад, я познакомилась с Кирой Муратовой, которая приехала в Москву специально для того, чтобы поговорить со мной на предмет участия в ее фильме. Она произвела человечески очень приятное впечатление. Ясно было, что это человек, который вне задачи зарабатывать, а в желании представить миру то, что видит только она и никто иной. Этим она интересна. То есть некой неповторимостью. Дальше этот фильм,

